P δ 15/1826

М 112
44
Р 1826

Современная Библіотека.

В. Ермиловъ.

Идеалы воспитанія.

К. Д. Ушинскій.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 7 коп.

Р 15
1276

Современная Библіотека.

В. Ермиловъ.

Идеалы воспитанія.

К. Д. Ушинскій.

Цѣна 7 коп.

Изданіе
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

93091-48

2007097328

Типографія Товарищества И. Д. СЫТИНА, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА. — 1906.

К. Д. Ушинскій.

Кто не знаетъ „Родного слова“? Кто не читалъ этой чудной книги, оригинальной по замыслу, народной по духу и талантливой по выполненію? Этой книгой Ушинскій показалъ себя лучшимъ писателемъ для дѣтей.

Но онъ писалъ не для нихъ однихъ.

Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ онъ занималъ первое мѣсто въ ряду журналистовъ, посвятившихъ свои силы вопросамъ воспитанія. Своими статьями по этимъ вопросамъ онъ производилъ большое впечатлѣніе на читающую публику и пользовался въ ея глазахъ огромнымъ авторитетомъ. Приглашенный въ редакторы „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, онъ сдѣлалъ этотъ офиціальный органъ доступнымъ для всѣхъ и каждаго, интереснымъ и популярнымъ по своему содержанію и формѣ изложенія.

Придуманное имъ для дѣтской хрестоматіи заглавіе „Родное слово“ вполнѣ подошло бы и ко всѣмъ его педагогическимъ трудамъ. Онъ сказалъ у насъ *свое слово*, но слово это *родное* намъ, какъ русскимъ людямъ. А, между тѣмъ, никто больше его не былъ знакомъ съ западно-европейской и американской педагогіей. Его глубокій философскій умъ не могъ не отнестись критически ко всѣмъ системамъ воспитанія, господствовавшимъ въ мірѣ. Онъ понялъ, что каждая изъ этихъ системъ служитъ выраженіемъ духа своей націи, своей страны и въ каждой есть свои недостатки и свои достоинства. Сохрани Богъ пересаживать порядки, вытекающіе изъ духа какого-нибудь народа, цѣликомъ, во всей ихъ полнотѣ, въ чужую страну!

У насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, полезно напоминать какъ можно чаще о вредѣ слѣпого подражанія чужимъ образцамъ. Еще Чацкій справедливо негодовалъ противъ тѣхъ крайностей, до которыхъ довела насъ мысль, что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенія. Наша педагогика—не что иное, какъ сколокъ съ германской, со всѣми ея недостатками и роковыми, гибельными послѣдствіями для цѣлаго ряда поколѣній.

А, между тѣмъ, едва ли какая иная система воспитанія менѣе подходитъ къ русскому духу, какъ германская. Отличительною чертой нашего ума служитъ такъ называемый здравый разумъ, у нѣмцевъ — наклонность къ отвлеченію и вытекающая изъ нея страсть къ рубрикамъ и методичность. „Нѣмецъ во всѣхъ явленіяхъ жизни ищетъ гармоніи и связи, все возводитъ въ отвлеченную идею и отовсюду ее извлекаетъ. Для него недостаточно понимать вещь: ему непремѣнно нужно опредѣлить ее и дать ей мѣсто въ системахъ своихъ знаній“... „Безъ опредѣленія для нѣмца и вещь — не вещь. Прежде всего видитъ онъ въ каждомъ предметѣ его философскую сторону и всякое дѣло свое начинаетъ и оканчиваетъ философскою мыслью. Если у него нѣтъ истинной философіи, то онъ выскажетъ самую избитую мысль, годную только для прописи, но ни за что не пропуститъ случая пофилософствовать. Но болѣе всего онъ заботится, чтобы въ головѣ его не осталось ни одного незанятаго уголка и въ мірѣ ни одного предмета, который бы не помѣстился въ одномъ изъ уголковъ его системы“.

Мѣткія слова! Разверните и перелистайте любой изъ тѣхъ безчисленныхъ учебниковъ, которые переведены и передѣланы у насъ съ нѣмецкаго, — и вы ужаснетесь, до какой степени справедлива эта тонкая характеристика нѣмецкаго духа, сдѣланная покойнымъ Ушинскимъ.

Вашъ взоръ поражается безконечнымъ числомъ опредѣленій, правилъ, исключеній, исключеній изъ исключеній, примѣчаній къ примѣчаніямъ, категорій, номенклатуръ и параграфовъ,

писанныхъ жирнымъ шрифтомъ, корпусомъ и петитомъ. Бѣдныя дѣтскія головки! Какъ мало понимаютъ васъ суровые нѣмецкіе педанты!

Спору нѣтъ, тотъ же самый духъ стремленія къ абстракціи и системѣ породилъ въ Германіи цѣлый рядъ великихъ геніевъ ума, имѣвшихъ міровое значеніе; но онъ же создалъ и тѣхъ формалистовъ и педантовъ, которыми кишмя-кишатъ и понынѣ нѣмецкія школы.

Ушинскій глубокомысленно подмѣтилъ ахиллесову пяту нѣмецкихъ педагоговъ. Мало того, онъ ловко ихъ поймалъ на вопіющемъ противорѣчіи самимъ себѣ. Цѣль школы—развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ учащагося, а не пичканье его головы кучей знаній. Кто, какъ не нѣмцы, изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы только внушить всему свѣту эту, конечно, вполнѣ справедливую мысль? А если вглядѣться въ дѣло, такъ вамъ станетъ вполнѣ ясно, что не эта мысль руководитъ нѣмцами въ ихъ школьномъ дѣлѣ. Главная цѣль, которую преслѣдуютъ программы и учебные планы ихъ гимназій, это—всесторонность и систематичность познаній. Наука и ученость — первые идеалы нѣмецкаго педагога; въ жертву имъ приносятся задачи воспитанія. Хорошо воспитанный человѣкъ, это значитъ—человѣкъ ученый. Правда, педагогическая теорія старается намѣтить границу между этими двумя понятіями, но на дѣлѣ эта черта исчезаетъ. „*Умѣніе* приложить *знаніе* къ дѣлу, укрѣпленіе душевныхъ способностей, развитіе характера, внѣшняя полировка человѣка, составляютъ для нѣмецкой педагогики вопросы второстепенные. Она и на самый характеръ человѣка думаетъ дѣйствовать черезъ посредство знаній“.

Есть надъ чѣмъ посмѣяться Мефистофелю, когда онъ слышитъ изъ устъ нѣмецкаго педагога, говорящаго о воспитаніи, великія слова: „самостоятельность, самостоятельное развитіе“ и т. п. Вся эта смѣшная самостоятельность заключается въ томъ, что добросовѣстный педантъ посредствомъ

хитро придуманной методы, путемъ ловко „наводящихъ“ вопросовъ, вытягиваетъ изъ души ученика какъ разъ тѣ самые отвѣты, которые ему нужны, которые требуетъ система. Наивный педагогъ не чувствуетъ, не понимаетъ, что вѣдь это онъ подсказалъ ученику его пригодные отвѣты; что ученикъ въ сущности игралъ только роль эхо, которое на всякій звукъ свой откликъ вдругъ даетъ. „Ему жъ нѣтъ отзыва“...

Эти слова Пушкина невольно мнѣ приходятъ въ голову, когда подумаешь объ участи юныхъ жертвъ германской педагогіи. Подобно эхо, воспріимчивая душа ребенка отвѣчаетъ на всякое явленіе окружающей его жизни, на всякое впечатлѣніе бытія:

„Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ“...

И нѣтъ ему отвѣта на тѣ мысли, думы и сомнѣнія, которыя закрались въ его душу, которыя зачастую не даютъ ему покоя, не даютъ сна и отдыха, которыя отвлекаютъ его мысли ото всего остального на свѣтѣ, въ томъ числѣ и отъ суровой указки его учителя. Учитель не отвѣчаетъ ученику на запросы юной души; онъ долженъ самъ спрашивать ученика и притомъ въ такомъ порядкѣ, котораго требуетъ система. Пропадай ученическая личность, но да здравствуетъ система!

Вы отдыхаете душой, когда знакомитесь съ духомъ англійской системы воспитанія. Тамъ личность не подавлена. Она свободна въ самомъ дѣлѣ. Идеалъ германскаго воспитанія—великіе ученые; идеалъ англійскаго—великіе характеры. Маленькій джентльменъ сознаетъ свои права, но не забываетъ и своихъ обязанностей. Круговая порука — вотъ девизъ англійской школы. Учениковъ съ дѣтства пріучаютъ къ самоуправленію, и они сознаютъ, въ чемъ его различіе отъ самоуправства. Школьная дисциплина поддерживается самими воспитанниками. Она состоитъ въ повиновеніи писаному закону и обычному праву. Въ иной школѣ это право держится изъ

вѣка въ вѣкъ, насчитывая себѣ цѣлыя столѣтія. „Виновный чаще всего наказывается самими товарищами, и наказывается съ такою строгостью, которую долженъ умѣрять наставникъ. Но зато и воспитанники крѣпко стоятъ за свои права, признанныя письменнымъ положеніемъ или давно укоренившимся обычаемъ".

Ушинскій напоминаетъ изреченіе Локка, которое сдѣлалось аксіомой англійской педагогики: „Чѣмъ ранѣе начнете обращаться съ мальчикомъ, какъ со взрослымъ человѣкомъ, тѣмъ онъ скорѣе человѣкомъ сдѣлается". Иностранецъ, съ непривычки, удивляется и пожимаетъ плечами, когда видитъ маленькихъ десятилѣтнихъ джентльменовъ въ круглыхъ шляпахъ, которые съ необыкновенною важностью разсуждаютъ о чемъ угодно и вездѣ проявляютъ умѣнье поддержать свое достоинство. Въ Америкѣ это еще болѣе бросается въ глаза. Тамъ независимость, стараніе быть серьезнымъ и похожимъ на большихъ доходитъ подчасъ до крайности. Дѣти шумно говорятъ и спорятъ о политикѣ и крикливо принимаютъ участіе въ публичныхъ митингахъ. Конечно, и это односторонне. Преждевременное резонерство, умничанье и беззастѣнчивое вмѣшательство въ дѣла взрослыхъ „скоро стираютъ ту золотую пыль наивности, которою природа осыпала легкія крылья дѣтства, и если не дѣлаетъ недозрѣлыхъ философовъ-систематиковъ, зато производитъ ту раннюю сдержанность и замкнутость, которыя, конечно, полезны въ жизни, но дышатъ холодомъ во взросломъ человѣкѣ и непріятно поражаютъ въ ребенкѣ".

Во Франціи Ушинскому не нравился царившій въ то время духъ централизаціи. Тамъ, говоритъ онъ, не только одно училище служитъ вѣрнѣйшимъ повтореніемъ другого, но всѣ они дѣйствуютъ разомъ, по командѣ, какъ хорошо дисциплинированная рота. Регламентація доведена была тамъ до такой степени, что на каждый годъ не только указывалось, какіе писатели должны быть прочитаны, но даже назначались тѣ страницы въ нихъ, которыя должны быть переве-

Государственная ордена Ленина библиотека СССР

дены, и тѣ, которыя должны быть выучены наизусть или разобраны. На всѣ учебныя заведенія заранѣе назначались однѣ и тѣ же темы для сочиненія. Каждый чиновникъ министерства, взглянувши на часы, съ увѣренностью могъ сказать, что въ этотъ часъ во всѣхъ гимназіяхъ Франціи переводится такая-то страница Цицерона или пишется десятками тысячъ рукъ сочиненіе на такую-то тему.

Нельзя сказать, чтобы мы, русскіе, не были знакомы съ такимъ печальнымъ явленіемъ, какъ крайняя регламентація школьнаго дѣла. Она мертвитъ живое дѣло. Она заставляетъ учителя механически, безучастно относиться къ дѣлу, а ученика — смотрѣть на ученье, какъ на приготовленіе къ экзамену и къ диплому.

Ушинскій отмѣчаетъ и другую ненормальную сторону тогдашней французской школы, именно въ области обученія родной литературѣ. Тутъ главное вниманіе обращается на слогъ, на фразу, на эффектныя мѣста. Ученикъ выучиваетъ наизусть цѣлыя тирады изъ своихъ классиковъ и пишетъ сочиненія ихъ фразами. „Зато, какъ и обработалъ онъ свою фразу! Она готова у него на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую. Въ богатствѣ фразъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ французскимъ. Оттого такъ легко и пріятно писать на этомъ языкѣ обыденныя вещи, украшая пустѣйшую мысль чужимъ остроуміемъ, и въ то же время такъ трудно выразить съ точностью новую идею, для которой еще не готова фраза“... Надъ этими словами, сказанными нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, стоитъ намъ призадуматься и теперь. На урокахъ родной словесности мы упражняемся въ заучиваніи, изложеніи, переложеніяхъ и передѣлкахъ чужихъ сочиненій, подражаемъ чужому языку, повторяемъ чужія мысли.

Ушинскій справедливо возстаетъ противъ такого порядка вещей. „Напрасно бы вы стали, — говоритъ онъ, — объяснять

французу, что подражаніе никогда не выработаетъ того *слога*, который, по выраженію Бюффона, есть самъ человѣкъ; что если бы писатели подражали другъ другу, то это бы было невыносимо скучно; что лучше писать неловко, тяжело, да *по-своему*, чѣмъ чужими готовыми фразами; что это убило французскую литературу; что изъ *собственнаго своего тяжелаго слога* вырабатывался слогъ великихъ писателей и даже просто дѣльныхъ людей; а изъ чужихъ, готовыхъ фразъ выйдутъ только фразы, которыми такъ обильна французская литература, и болѣе ничего не выйдетъ. Напрасно бы вы говорили все это: жакотистъ (т. е. послѣдователь знаменитой методы Жакото) укажетъ вамъ на своего двѣнадцатилѣтняго воспитанника, который пишетъ слогомъ Фенелона, Лабрюйера, Масильона, или, прочитавъ 20 страницъ любого романа, передаетъ вамъ въ пятнадцать или десять минутъ ихъ содержаніе, и тѣмъ же самымъ слогомъ, которымъ онъ написанъ. Чего же вамъ болѣе? Цѣль достигнута!“ Да, это все было бы очень хорошо, если бы дѣло шло не о человѣкѣ, а, напр., о попугаѣ. Для попугая полезно говорить съ чужого голоса, ну, а для насъ, пожалуй, и вредно. Есть надъ чѣмъ позадуматься нашимъ нынѣшнимъ учителямъ словесности.

Непривлекательны нравственные результаты французской системы: любовь къ блеску, тщеславіе, мечты о матеріальномъ благѣ, о побѣдѣ надъ соперникомъ — вотъ къ чему ведетъ она.

Было бы, однако, несправедливо, видя недостатки, не замѣчать и положительныхъ сторонъ. Во Франціи процвѣтаетъ техническое образованіе. Французскія техническія учебныя заведенія служили образцомъ для заведеній того же рода въ другихъ государствахъ Европы. Возьмите вы парижскую политехническую школу. Сколько талантливыхъ артиллеристовъ, инженеровъ, механиковъ, математиковъ дала эта школа! „Можетъ ли другое техническое заведеніе въ Европѣ похвалиться подобными результатами?“ спрашиваетъ Ушинскій.

И тутъ же возражаетъ: „Но образованіе хорошихъ техниковъ составляетъ ли единственную задачу общественнаго воспитанія?“ Въ самомъ дѣлѣ, можно быть въ одно и то же время прекраснымъ техникомъ, прескверным отцомъ семейства и еще худшимъ гражданиномъ.

Но всѣхъ оригинальнѣе система американскаго воспитанія. Тутъ все поражаетъ иностранца. Хотя бы то: совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ! А свобода учащихся дѣвушекъ? Въ Америкѣ она оказала только хорошія послѣдствія: изъ этихъ мужественныхъ, независимыхъ дѣвушекъ выходятъ впослѣдствіи прекрасныя жены, хозяйки и матери семействъ. „Можетъ-быть, нѣкоторыя изъ нихъ и гибнутъ жертвами ранней свободы; но едва ли число этихъ жертвъ значительнѣе, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ женщины охраняются почти что монастырскими стѣнами до шестнадцати или восемнадцатилѣтняго возраста“.

Изученіе классическихъ языковъ въ Америкѣ не доходитъ до такой крайности, какъ въ Европѣ, и все болѣе и болѣе получаютъ права науки естественныя и политическія.

Ушинскій съ особенною энергіей и удареніемъ проводилъ ту мысль, что только та система воспитанія вполнѣ достойна называться народною, которая опирается на общественное мнѣніе, которая создана самимъ обществомъ. „Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ Ушинскій, — общественное воспитаніе находится въ такой зависимости отъ убѣжденій общества, что всякая реформа, не выходящая изъ этихъ убѣжденій, не можетъ сохранить своего характера и быстро извращается подъ вліяніемъ общества. Это извращеніе зависитъ отъ родителей, отъ преподавателей и, наконецъ, отъ самихъ учениковъ, которые никогда не могутъ быть совершенно уединены отъ вліянія общества“.

Глубокая, поучительная мысль! Сколько пользы мы извлекли бы изъ нея, если бы внимательнѣй къ ней относились! Какъ важно было бы для насъ затвердить возможно

крѣпче ту мысль, любимую мысль Ушинскаго, что не только свѣту, что въ школѣ; что народъ воспитывается подъ вліяніемъ множества условій, конкурирующихъ со школой. „Невозможно такъ изолировать воспитаніе, чтобы окружающая его со всѣхъ сторонъ жизнь не имѣла на него вліянія". Надо прислушиваться къ ея голосу. Это мы часто забываемъ.

Ушинскій душой болѣлъ за нашу школу и горячо предостерегалъ насъ отъ чужеядной педагогики. Къ чему пересаживать нѣмецкое воспитаніе на русскую почву, когда натурѣ русской духъ его претитъ? Ушинскій, какъ видите, сдѣлалъ свое дѣло, предупредилъ насъ во-время; и не его вина, если его рѣчь осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такъ мы и не выработали до сихъ поръ своей родной системы воспитанія: мы не послушали „родного слова" Ушинскаго. Онъ намъ указывалъ средства, при помощи которыхъ мы могли бы сдѣлать воспитаніе народнымъ. Широкая гласность для общественнаго мнѣнія, — вотъ первое для этого средство. А рядомъ съ этимъ — просторъ для развитія педагогической литературы, для учрежденія педагогическихъ обществъ, частыя повѣрки результатовъ воспитанія, путешествія, предпринимаемыя съ педагогическими цѣлями, живая связь между практиками-педагогами, педагогическіе журналы и т. п. Общественное воспитаніе только тогда окажется дѣйствительнымъ, когда его вопросы станутъ общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго. „Пусть же, наконецъ, воспитаніе дѣтей войдетъ въ моду въ нашемъ обществѣ; пусть великосвѣтская барыня, отодвинувъ немного въ сторону модныя бездѣлушки, положитъ хоть рядомъ съ ними какой-нибудь дѣтскій учебникъ или новую педагогическую книжку; пусть важный господинъ, говоря серьезно о новой танцовщицѣ, о рысакахъ, выигравшихъ призъ, или о вчерашнемъ преферансѣ, не постыдится сказать нѣсколько серьезныхъ же словъ и объ азбукѣ, по ко-

торой учатся его дѣти, и быть внимательнымъ къ учителю, хоть по крайней мѣрѣ настолько, насколько онъ внимателенъ теперь къ модному портному; пусть порядочный человѣкъ не совѣстится выбрать для себя учительскую карьеру, смотритъ безъ зависти на чиновника, шагающаго отъ мѣста къ мѣсту и отъ награды къ наградѣ; пусть общество даетъ и учителю, какъ учителю, а не какъ прекрасному молодому человѣку, мѣсто среди себя и займется педагогикой, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько еще недавно занималось оно верченіемъ столовъ. Скромныя желанія! Но если они осуществятся, то и это уже будетъ для насъ большой шагъ впередъ".

Какъ ни скромны на самомъ дѣлѣ эти желанія, но осуществленіе ихъ едва ли наступило и теперь. И теперь педагогика мало интересуетъ родителей, и теперь надъ ней смѣются воспитатели.

„На что хитрыя теоріи, — съ озлобленіемъ говорятъ они, — когда все дѣло въ практикѣ? Въ нашей профессіи самое главное — опытность". Такъ говорятъ теперь, такъ говорили во времена Ушинскаго. Но что такое педагогическая опытность? „Большее или меньшее количество фактовъ воспитанія, пережитыхъ воспитателемъ", отвѣчаетъ Ушинскій. Если факты эти не приведутся въ связь, если вы не сдѣлаете изъ нихъ обобщеній, выводовъ и поучительныхъ правилъ, то въ чемъ же будетъ выражаться ваша опытность? А такая операція ума, которая заключается въ составленіи выводовъ и обобщеній и возведеніи ихъ въ стройную систему, и называется теоріей. Теорія есть сводъ практическихъ наблюденій. У каждаго человѣка, у котораго есть царь въ головѣ, есть и теорія. Какой же смыслъ возставать противъ нея?

Съ другой стороны, умъ хорошо, а два лучше. Не надо слишкомъ довѣряться своему единоличному опыту, своей единоличной практикѣ, своей, быть - можетъ, односторонней теоріи. Необходимъ обмѣнъ мыслей съ товарищами.

Вотъ почему необходимо каждому родителю и воспитателю слѣдить за движеніемъ педагогической литературы. Конечно, по книгамъ нельзя научиться искусству воспитанія. Въ этомъ отношеніи искусство воспитанія совершенно аналогично съ искусствомъ медицины. Медику не меньше, чѣмъ педагогу, нужна опытность, наблюдательность и спеціальныя способности. Не всякій человѣкъ можетъ быть хорошимъ врачомъ. „Одно ученіе не можетъ создать хорошаго медика; для этого, конечно, необходима и врожденная наблюдательность и многолѣтній опытъ; но неужели поэтому должна быть отвергаема польза медицины, какъ ученія! Далеко бы ушла медицина, если бы она остановилась на рецептахъ знахарей и случайно открытыхъ врачебныхъ свойствахъ нѣкоторыхъ медикаментовъ!“ То же самое вполнѣ примѣнимо и къ педагогикѣ. Безъ научныхъ основъ воспитатель идетъ ощупью, наугадъ, на авось, рискуя погубить, быть-можетъ, не одну, а цѣлыя сотни и тысячи неповинныхъ дѣтскихъ душъ, чтобы оцѣнить правильно тѣ результаты, которыхъ мы достигли въ воспитаніи, было бы не безполезно посмотрѣть да посравнить число поступающихъ въ школы съ числомъ тѣхъ, которые въ ней оканчиваютъ курсъ. Сколько несчастныхъ дѣтей плыли на утлой ладьѣ школьнаго курса и не доплыли до вожделѣнной пристани въ видѣ диплома, остановившись кто въ старшихъ классахъ, кто въ младшихъ, а иные тонули уже въ первый годъ ученья! Такъ воистину горекъ корень ученія, а плоды его зачастую пустышки.

Воспитатель можетъ только тогда вести свое дѣло твердымъ и вѣрнымъ путемъ, когда онъ составилъ себѣ педагогическія убѣжденія. А убѣжденія и есть теорія. Человѣкъ, не подготовленный теоретически, будетъ только слѣпымъ исполнителемъ предначертаній, идущихъ сверху. Не понимая ихъ цѣли и идеи, онъ все напортитъ и исковеркаетъ дѣтскія натуры.

Только то совершается нами правильно и хорошо, что согласно съ нашими убѣжденіями. И плоха та система образо-

ванія, которая предугадываетъ до мелочи каждый шагъ педагога, не справляясь съ тѣмъ, сообразно ли это съ его воззрѣніями. Хорошъ только такой порядокъ, при которомъ воспитателю дается потребный для него просторъ; когда онъ дѣлаетъ только то, что самъ считаетъ полезнымъ, когда онъ поступаетъ только такъ, какъ угодно ему и его ученикамъ. *Личность* воспитателя, свободная, независимая, самостоятельная,—первое условіе успѣха школьнаго дѣла. И нечего бояться, что у каждаго воспитателя будетъ *своя* метода воспитанія, *своя* теорія обученія. Лучше свое, чѣмъ чужое. Лучше живое разнообразіе, чѣмъ мертвая, сухая монотонность. Чтобы не было недоразумѣнія, слѣдуетъ повторить оговорку Ушинскаго, что, въ отношеніи общественныхъ заведеній, подъ именемъ педагоговъ слѣдуетъ разумѣть не однихъ только отдѣльныхъ преподавателей и воспитателей, но и общіе ихъ совѣты, эти коллективныя учрежденія.

Воспитатель долженъ вырабатывать свои убѣжденія не въ одиночку, но вмѣстѣ съ обществомъ и при его активномъ содѣйствіи. Иначе, не встрѣтивъ себѣ сочувствія кругомъ, видя равнодушіе къ своему дѣлу, онъ можетъ скоро охладѣть къ нему. „Наставническая и воспитательная дѣятельность, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ постоянномъ одушевленіи, а, между тѣмъ, она болѣе, чѣмъ всякая другая дѣятельность, удалена отъ взоровъ общества“... Отъ этого терпятъ убытокъ обѣ стороны.

Не подстрекаемый общественнымъ сочувствіемъ, участіемъ и контролемъ, воспитатель предается сну. „Посмотрите на иного преподавателя, который, что называется, *втянулся* въ свою должность. Онъ, кажется, принимаетъ живое участіе въ томъ, что говоритъ: дѣлаетъ энергическіе жесты, многозначительно улыбается, грозно хмуритъ брови. Но не вѣрьте этимъ улыбкамъ, этимъ юпитеровымъ бровямъ. Онъ точно такъ же улыбается, точно такъ же стучитъ рукою двадцать лѣтъ сряду на каждомъ урокѣ. Онъ сладко дремлетъ и сердито просыпается,

когда какой-нибудь шалунъ нарушитъ его спокойствіе. Послѣ лекцій, когда онъ приходитъ домой, серьезныя житейскія заботы, а можетъ-быть и преферансъ, смотря по вкусу и лѣтамъ, снова пробуждаютъ его къ жизни. Какъ же *требовать*, чтобы у такого преподавателя ученики сохранили возбужденное состояніе, необходимое для всякаго плодовитаго ученія: они только сидятъ смирно, боясь разбудить дремлющаго, хотя говорящаго учителя".

Печальная, но справедливая картина!

Ушинскій обронилъ какъ будто мимоходомъ великую, плодотворную мысль, осуществленіе которой, къ сожалѣнію, дѣло будущаго, и, можетъ-быть, очень отдаленнаго. Наблюденіе за ходомъ дѣла въ учебныхъ заведеніяхъ должно принадлежать не одной только администраціи. Офиціальный контроль въ такомъ трудноуслѣдимомъ дѣлѣ, каково ученіе и воспитаніе, по мнѣнію Ушинскаго, одинъ самъ по себѣ „весьма ненадеженъ и даетъ самые слабые результаты". Въ этомъ мы должны убѣдиться тяжелымъ опытомъ надъ самими собою и надъ собственными дѣтьми; а если мы не убѣдились, то насъ слѣдуетъ причислить „къ разряду тѣхъ безнадежныхъ людей, которыхъ не только размышленіе, но даже и тяжелый опытъ ничему научить не можетъ". Вотъ почему онъ совѣтовалъ призвать самихъ родителей къ дѣятельному участію въ устройствѣ и преобразованіяхъ учебныхъ заведеній, въ назначеніи въ нихъ воспитателей и наставниковъ и въ надзорѣ за выполненіемъ ими своихъ обязанностей.

Многіе, быть-можетъ, возразятъ, что родители и безъ того имѣютъ доступъ въ школу: ихъ вызываетъ къ себѣ начальство для объясненій, приглашаютъ на торжественные акты и молебны и т. п. Но развѣ такимъ путемъ можно познакомиться съ дѣломъ, можно провѣрить его дѣйствительные успѣхи? Вѣдь это казовая сторона дѣла; вѣдь это выставка, эффектъ, внѣшній блескъ, за которымъ часто скрывается поддѣлка. Объ этой сторонѣ школы, объ ея стараніи бить на эффектъ,

такъ сказать, пускать въ глаза пыль, Ушинскій отзывался съ глубокою горечью. Онъ „золотыми словами“ назвалъ знаменитую тираду Пирогова, озаглавленную: „Быть и казаться“, въ которой великій хирургъ и педагогъ своимъ анатомическимъ ножомъ вскрылъ страшную язву на нашей общественной школѣ: господство въ ней лжи и притворства. „Мы заставляемъ дитя, — говоритъ Ушинскій, — сочинять о томъ, чего оно не видѣло, не чувствовало; заставляемъ его прикидываться то глубокомысленнымъ, то восторженнымъ, то чувствительнымъ и полагаемъ гибельныя начала двойственности въ его душѣ. Мы заставляемъ ребенка повторять наши мысли, наши чувства и восхищаемся, что дѣти, побуждаемыя желаніемъ понравиться намъ и заслужить нашу похвалу, передразниваютъ насъ такъ ужасно“. И наставникъ обманываетъ дитя, увѣряя его въ томъ, чего не думаетъ, не чувствуетъ самъ.

Нравственные принципы не проникли въ школу. Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе въ ней искренности. А почему эти принципы не проникли, это — вопросъ слишкомъ широкій и принадлежитъ вѣдѣнію не одной лишь педагогіи. Скорѣй, онъ выходитъ изъ предѣловъ ея компетентности. Такъ или иначе, но не констатировать факта нельзя: онъ слишкомъ бросается въ глаза.

Чтобы помочь горю, надо упростить отношенія между учениками и воспитателями. Съ дѣломъ нравственнаго воспитанія не можетъ имѣть ничего общаго обычный форменный, казарменный характеръ школы. Такому характеру школьной жизни много способствуетъ скученность слишкомъ большого количества учащихся въ одну группу. Поневолѣ для порядка приходится обратить жизнь каждаго ребенка въ постоянный церемоніалъ, который весь расписанъ заранѣе: „Въ 6 часовъ встаютъ по колокольчику или барабану, до половины седьмого одѣваются, идутъ на молитву, повторяютъ уроки, приходятъ учителя, идутъ къ завтраку, садятся опять за уроки, отправляются къ обѣду, маршируютъ отъ обѣда и т. д.“. Вы видите учениковъ

сквозь офиціальную оболочку, Отъ вашихъ взоровъ тщательно укрывается ихъ внутренняя жизнь. „Но когда же живутъ эти дѣти, когда развиваются? Гдѣ - нибудь тайкомъ отъ воспитателя, въ какомъ - нибудь темномъ уголкѣ, куда не проникнетъ его всенивеллирующій взглядъ, въ тихомъ шопотѣ съ товарищемъ, въ тетрадкѣ или игрушкѣ, переданной подъ скамьею, гдѣ-нибудь за кустомъ, въ саду, проглядываетъ по временамъ эта жизнь и, конечно, проглядываетъ не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлось бы разумному воспитателю. Такимъ образомъ, форменная жизнь заведеній идетъ своимъ порядкомъ, а настоящее, дѣйствительное воспитаніе блуждаетъ тысячами другихъ".

Школа не можетъ воспитывать дѣтей тамъ, гдѣ она представляетъ собою огромную крѣпость съ многочисленнымъ населеніемъ. Вѣдь главное назначеніе закрытаго заведенія — замѣнять семью. Хороша семья въ нѣсколько сотъ человѣкъ! Нѣтъ, если проводить идею не на словахъ, а на дѣлѣ, надо всѣми мѣрами постараться сдѣлать такъ, чтобы въ школѣ было мѣсто хоть подобію домашняго очага; чтобы около него дѣтямъ чувствовалось тепло и уютно. А это будетъ тогда, когда дѣти небольшими группами будутъ поселяться въ семьѣ какого-нибудь педагога и жить тамъ тихо, мирно и задушевно.

Вѣдь это только казарменныя условія могли породить принципъ раздѣленія педагоговъ на двѣ различныя группы: учителей и воспитателей. „У насъ воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ всегда два лица не только различныхъ, но и противоборствующихъ. Это ведетъ къ тому, что ни воспитатель ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія. Учитель является въ классы на урокъ и, уходя съ урока, забываетъ о воспитанникахъ; воспитатель смѣняетъ учителя съ своимъ грознымъ „тихо, смирно" и т. д.

Гдѣ жъ тутъ можно думать, гдѣ жъ тутъ можно надѣяться на воспитательное вліяніе образованія и на образовательное вліяніе воспитанія? Для учителей нужно знаніе и больше

ничего, а для воспитателей — *благонравіе*, которое бы дозволяло имъ спокойно дремать при формальномъ исполненіи своихъ скорѣе полицейскихъ, чѣмъ педагогическихъ обязанностей. Вотъ почему такъ часто въ воспитатели и воспитательницы избираются люди, которыхъ трудно было бы упрекнуть въ малѣйшемъ пристрастіи, даже сочувствіи къ наукѣ. Это часто грубые невѣжды и одновременно съ тѣмъ озлобленные, грубые невѣжи. Сколькимъ институткамъ заѣдали и заѣдаютъ вѣкъ, конечно, и теперь наши не вѣдающія, что творятъ, классныя дамы!

Въ вопросахъ обученія Ушинскій не менѣе глубокомысленъ, чѣмъ въ вопросахъ воспитанія. Особенно поучительны его возраженія Пирогову по вопросу о вліяніи древняго классическаго міра на современное юношество. Міросозерцаніе древнихъ грековъ и римлянъ, основанное на языческихъ понятіяхъ, слишкомъ чуждо современному европейцу. Даже въ лучшихъ представителяхъ древняго міра, въ Сократахъ, Аристотеляхъ, Тацитахъ, вы найдете черты дикости, приличествующія развѣ какому-нибудь ирокезцу. Аристотель высказываетъ, по словамъ Ушинскаго, такія воззрѣнія на человѣка, на женщину, на чужія народности, которыя могъ бы повторить безъ стыда развѣ только плантаторъ Южныхъ штатовъ. Тацитъ, этотъ величайшій и благороднѣйшій изъ писателей древности, клеймитъ названіемъ гнусности и нелѣпости признаніе Бога духовнымъ существомъ и поклоненія Ему духомъ. Христіанскія идеи и чувства ставятъ въ наше время самаго простого, необразованнаго человѣка на столько выше великаго Тацита, на сколько понятіе о духовномъ, единомъ Богѣ выше пестрой миѳологіи. И нельзя не прійти, по мнѣнію Ушинскаго, къ тому выводу, „что преимущественное изученіе классической древности, основанное на историческомъ преданіи, отъ котораго не можетъ оторваться Западная Европа, болѣе всего мѣшаетъ до сихъ поръ дѣйствительному соединенію науки и жизни“.

Нельзя думать, чтобы всѣ натуры одинаково воспринимали одно и то же средство. И классическая древность давала совершенно различные результаты на разныхъ почвахъ. Ушинскій напоминалъ объ этомъ фактѣ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда у насъ впервые громко поднялся вопросъ о воспитательномъ значеніи древнихъ классиковъ. „Нѣмецъ извлекалъ изъ классиковъ грамматику, археологію и философію; англичанинъ — уроки практической мудрости, точность и опредѣленность въ мысляхъ и выраженіяхъ, французъ — ловкія фразы; а мы, русскіе, извлекали до сихъ поръ только мертвую семинарщину, и наша проба продолжалась долго— цѣлое столѣтіе. Неужели же начинать снова? Какъ ни плохо у насъ учили классическимъ языкамъ, однакоже выучились многіе. Какую же пользу это изученіе приносило у насъ множеству людей, которые три четверти своей молодой жизни потратили на изученіе латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ? Говорятъ, что нельзя винить древніе языки за то, что ихъ преподаютъ дурно; но если по какимъ-нибудь предметамъ могли образоваться хорошіе наставники, то, конечно, по древнимъ языкамъ. Отчего же знаніе классическихъ языковъ и классической литературы не сдѣлало дурныхъ преподавателей этихъ предметовъ хорошими? Видно, въ классическомъ мірѣ нѣтъ для насъ образовательной, педагогической силы“.

Ушинскій думаетъ, что во главѣ гуманнаго образованія должно быть поставлено изученіе родного языка, а не чужихъ. Говорятъ, что глубокое изученіе родного языка невозможно безъ глубокаго изученія языковъ классическихъ. Но глубокому изученію языковъ не мѣсто въ средней школѣ. Да и новые языки могутъ способствовать изощренію нашего взгляда на нашъ родной языкъ. „Правда и то, что древніе языки по логичности ихъ постройки могутъ быть признаны отчасти за логику языковъ; но правда и то, что изученіе древнихъ языковъ не мало мѣшало намъ при изученіи родного, заставляя насъ смотрѣть сквозь чуждыя очки“.

Школьное обученіе должно преслѣдовать ту цѣль, которую ему указалъ Песталоцци. Идею швейцарскаго педагога, что школа должна не пичкать знаніями, а развивать способности, Ушинскій называетъ великимъ открытіемъ Песталоцци, — открытіемъ, которое принесло и приноситъ человѣчеству болѣе пользы, чѣмъ открытіе Америки. Всей многострадальной жизни этого великаго до безумія энтузіаста воспитанія едва стало на то, чтобы ввести зту идею въ число немногихъ живыхъ и дѣятельныхъ идей, двигающихъ человѣчество.

Другая великая цѣль ученья—сообщить учащимся привычку къ труду. Если школа не зажгла въ человѣкѣ жажды серьезнаго труда, то онъ не будетъ счастливъ. Потребность труда—врожденное, природное чувство человѣка. Дурныя условія жизни могутъ ее въ немъ затушить. И школа часто бываетъ въ этомъ грѣшна. Ушинскій энергично возстаетъ противъ обыкновенія многихъ педагоговъ придавать ученію легкій, шутовской характеръ. Учить играя можно только самыхъ маленькихъ дѣтей до семилѣтняго возраста, а потомъ можно заниматься съ учениками совершенно серьезно, съ тѣмъ уваженіемъ къ наукѣ, котораго она заслуживаетъ по всей справедливости. Какъ можно раньше слѣдуетъ внушать дѣтямъ серьезный взглядъ на жизнь. Какимъ же путемъ можно внушить воспитаннику уваженіе, любовь и привычку къ труду?

Прежде всего слѣдуетъ окружить ребенка благопріятною сферой. Рѣдко удается воспитаніе въ тѣхъ богатыхъ великосвѣтскихъ домахъ, гдѣ всѣмъ своимъ режимомъ и образомъ жизни люди показываютъ, что главною цѣлью своей жизни они ставятъ удовольствіе. Балы, спектакли, болтовня, катанья—вотъ удовольствіе ребенка. Театры, сплетни, маскарады, карты—вотъ наслажденія большихъ. Разговоры о новомъ рысакѣ считаются въ этой средѣ гораздо интереснѣе и серьезнѣе, чѣмъ наука и ея вопросы. „Жалка участь учителя въ такомъ домѣ: если не смѣются надъ нимъ явно, то, по крайней мѣрѣ, не уважаютъ; а дѣти скоро разглядываютъ

это неуваженіе, хотя оно полузакрывается личиной вѣжливаго обращенія, и скоро постигаютъ, что ученье и учители изобрѣтены собственно для дѣтей, а для большихъ есть кое-что получше".

Мало кто изъ родителей сознаетъ, что вѣчный, неустанный трудъ, это — долгъ человѣка, безусловно обязательный для всѣхъ и каждаго, кто бы онъ ни былъ. Напротивъ, на трудъ смотрятъ, какъ на кару, какъ на обузу, на несчастіе, отъ котораго нужно какъ можно скорѣй отдѣлаться. Есть такіе наивные отцы, которые всю жизнь свою трудятся, бьются изо всѣхъ силъ, чтобы обезпечить дѣтей своихъ отъ нужды, дать имъ возможность жить безъ труда. Что же приноситъ дѣтямъ богатое, оставшееся послѣ отца наслѣдство? Оно часто ихъ дѣлаетъ лѣнивыми, вялыми и праздными, безпутными и распутными мотами и не даетъ имъ никакого счастья. Бѣдный отецъ! Онъ этого не ожидалъ. Онъ не заботился о дѣльномъ воспитаніи: къ чему оно?—были бы деньги! Пусть де воспитывается тотъ, у кого ихъ нѣтъ. „И не подумалъ онъ, что трудъ, а за нимъ и счастье, сами сыщутъ бѣдняка, а богачъ еще самъ долженъ умѣть отыскать ихъ".

Пошлые люди исказили истинный смыслъ слова — трудъ. Этимъ серьезнымъ, честнымъ и почетнымъ именемъ стали называть не свѣтлыя, не серьезныя, не честныя и не почетныя дѣйствія. Трудъ долженъ быть прежде всего свободнымъ и совершаться по сознанію долга, а вовсе не изъ-подъ палки; совершаться съ любовью, съ уваженіемъ къ нему, съ радостью, но никоимъ образомъ не съ отвращеніемъ; совершаться съ сознаніемъ его высокаго нравственнаго значенія, а никакъ не во имя мелкихъ, меркантильныхъ интересовъ наживы и обогащенія. Только такая работа можетъ называться почетнымъ именемъ труда. И больше никакая. Кто не испытывалъ среди занятій чувства наслажденія, сознанія своей пользы, смысла жизни и удовлетворенія, тотъ не трудился никогда, не зналъ, не чуялъ, что такое трудъ.

Только та школа принесетъ пользу обществу, которая даетъ ему дѣятельныхъ членовъ, сознающихъ, что безъ тяжелаго, упорнаго труда жить гадко и подло. Чтобы пріучить ученика къ активному, произвольному, самостоятельному труду, а не къ пассивной, вынужденной работѣ изъ-подъ палки, учитель долженъ собственно *не учить*, а только *помогать учиться*. Только тогда ученикъ познакомится съ наслажденіями и утѣхами труда, когда онъ будетъ сознавать, какъ шагъ за шагомъ онъ преодолѣваетъ одну трудность за другою. „Умственный трудъ — едва ли не самый тяжелый трудъ для человѣка. Мечтать — легко и пріятно; но думать — трудно". Зато, пріучившись думать, ученикъ пріобрѣтаетъ и любовь къ труду, жажду умственной дѣятельности. „Человѣкъ, привыкшій трудиться умственно, скучаетъ безъ такого труда, ищетъ его и, конечно, находитъ на каждомъ шагу".

Человѣкъ, который полюбилъ трудъ и возненавидѣлъ праздность, сумѣетъ разумно отнестись и къ отдыху. Отдыхъ отъ одной умственной работы заключается въ смѣнѣ ея на другую, умственную же, или на физическій трудъ. Ушинскій указываетъ на Германію, гдѣ воспитанники въ свободное отъ ученія время съ удовольствіемъ занимаются хозяйствомъ, уборкой классныхъ комнатъ, обработкой сада или огорода, столярнымъ и токарнымъ мастерствомъ, переплетаніемъ книгъ и т. п.

На игры Ушинскій, повидимому, смотрѣлъ совсѣмъ не такъ оптимистически восторженно, какъ нѣкоторые педагоги нашихъ дней. Для своего возраста игры, конечно, нужны, думаетъ онъ; но надо остерегаться, чтобы ребенокъ никогда не пресыщался развлеченіями и постепенно пріучался безъ труда и принужденія разставаться съ ними для работы. Какъ огня надо избѣгать такого препровожденія времени, которое Ушинскій мѣтко называетъ *лакейскимъ*, когда человѣкъ остается безъ работы въ рукахъ, безъ мысли въ головѣ. Въ эти-то именно минуты, по словамъ нашего педагога, портится

голова, сердце и нравственность. Привычка къ такому препровожденію времени создаетъ впослѣдствіи такихъ лѣнтяевъ, которые, выросши и выйдя на свободу, совсѣмъ не знаютъ, что съ собой дѣлать, и изо всѣхъ силъ хлопочутъ только о томъ, какъ бы *убить, доконать* время. „Какъ будто его дано человѣку слишкомъ много!“ съ горечью восклицаетъ Ушинскій.

Но не только за стѣнами класса, часто и за урокомъ научаются воспитанники пагубной привычкѣ *убивать* время. Это — при лѣнивомъ отношеніи учителя къ дѣлу. Иногда же это происходитъ отъ неумѣлости, отъ незнанія такой методы, которая помогла бы учителю поддерживать вниманіе всего класса. Какъ противно, скучно, монотонно, когда учитель спрашиваетъ урокъ одного, другого, третьяго, а остальные въ это время скучаютъ, балуются или трясутся изъ боязни, чтобы ихъ не спросили. „Такимъ образомъ проводитъ иной счастливый мальчикъ большую часть дней цѣлой недѣли и пріобрѣтаетъ гнусную привычку оставаться цѣлые часы ничего не дѣлая и ничего не думая. Вѣдь это фразы крайнихъ теоретиковъ и доктринеровъ, что ученикъ долженъ и можетъ съ увлеченіемъ относиться ко всему, что дѣлается въ классѣ. Въ трудѣ не все доставляетъ удовольствіе. Въ трудѣ всегда можетъ встрѣтиться и скучный моментъ и подчасъ нѣкоторая сухость, механизмъ и т. п. Ученикъ долженъ быть внимательнымъ не только тогда, когда весело учиться, а всегда, когда то нужно. Однако нельзя доводить его до утомленія. Нельзя держать вниманіе ученика въ возбужденномъ состояніи въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени. Сократите время классовъ на половину, но пусть остающаяся половина отниметъ все активное вниманіе у класса.

Хороши слова, которыми Ушинскій заканчиваетъ свою знаменитую статью о значеніи труда: „Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ выше, тѣмъ духовнѣе, тѣмъ болѣе философское должно быть его образованіе, чтобы онъ умѣлъ сыскать себѣ достой-

ный трудъ по сердцу. Бѣдняка трудъ и самъ найдетъ: довольно, если онъ будетъ готовъ его выполнить... Трудъ, конечно, бремя, но бремя, безъ котораго возможное соединеніе человѣческаго достоинства и счастія невозможно, — бремя, которое долженъ нести человѣкъ, если хочетъ прійти къ тому невозмутимому спокойствію, къ которому призываются только *трудящіеся и обремененные*".

Любовь и способность къ труду Ушинскій находилъ въ высокой степени развитыми у простого русскаго народа. Вотъ у кого поучиться умѣнью работать! Войдите въ школу народную, и вы изумитесь, какой царитъ въ ней серьезный духъ. Съ какимъ восторгомъ отзывается Ушинскій объ отношеніи учениковъ воскресныхъ школъ, которыя онъ посѣщалъ, къ умственному труду. „Въ трехъ большихъ комнатахъ уѣзднаго училища, — разсказываетъ онъ, — очень быстро собралась большая и самая разнохарактерная толпа дѣтей, юношей и даже взрослыхъ мужчинъ, уже съ усомъ и бородой. Всѣ ученики съ замѣчательною тишиной для такого собранія сапоговъ, подкованныхъ гвоздями, разсѣлись по лавкамъ очень быстро, безъ всякихъ понуканій и сохраняя серьезную мину, такъ мало свойственную русскому мальчику: *ученики входили, какъ будто въ церковь*". Это сосредоточенное вниманіе всѣхъ учащихся страшно поразило Ушинскаго: ничего подобнаго онъ не встрѣчалъ въ господскихъ школахъ.

„Вотъ дитя съ хорошенькою русою головкой, расчесанной пальцами, вмѣсто гребня, въ изорванномъ полушубкѣ. Облокотившись на столъ, внимательно слушаетъ онъ учителя. Руки мальчика, развитыя раннею и усиленною работой, испачканныя чѣмъ-то чернымъ до того, что онъ не могъ ни отмыть ни отскоблить ихъ, потеряли уже дѣтскія формы; но на лицѣ его, по которому тамъ и сямъ также мазнуло тою же въѣдчивою черною краской, видно еще полное дѣтство, а въ свѣтлыхъ карихъ глазахъ глядитъ вполнѣ дѣтская, любопытная душа, не утомленная, не избалованная еще ни мно-

жествомъ легко доставшихся познаній ни обиліемъ игрушекъ и картинъ". И на каждомъ шагу въ статьѣ Ушинскаго о воскресныхъ школахъ вы находите или сами невольно дѣлаете параллели между барскимъ и крестьянскимъ дитятей. Вотъ мальчикъ лѣтъ тринадцати такъ хорошо пересказалъ прочтенное и объясненное учителемъ, „какъ едва ли можетъ пересказать даже хорошій ученикъ пятаго класса гимназіи". Видно, говоритъ Ушинскій, что всѣ собравшіеся здѣсь пришли не шутку шутить, а дѣло дѣлать, и что дѣло это кажется имъ не только дѣломъ полезнымъ, серьезнымъ, но какимъ-то святымъ, религіознымъ дѣломъ.

Вѣря такъ въ народъ, въ его искреннее стремленіе къ свѣту и правдѣ, Ушинскій горячо настаивалъ на томъ, что управлять народною школой долженъ самъ народъ. Школа должна считаться съ требованіями народа и подчиняться имъ. И ничего тутъ нѣтъ опаснаго: право, народъ много разъ сумѣлъ показать, что онъ понимаетъ назначеніе школы не меньше, чѣмъ большинство нашего общества, — онъ даже чище смотритъ на ея задачу. Когда высшіе слои, поднимающіеся надъ народомъ, отдаютъ своихъ дѣтей въ ученіе только изъ-за того, чтобы приготовить ихъ къ карьерѣ и выгодной службѣ, народъ именно меньше всего думаетъ о службѣ, меньше всего поощряетъ жажду иныхъ честолюбивыхъ крестьянъ какъ-нибудь выбиться изъ-подъ сохи и бросить землю.

Итакъ, предоставимъ народу самому слѣдить за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Пора, наконецъ, убѣдиться, что народъ вовсе не глупъ и имѣетъ твердыя и ясныя убѣжденія. Намъ нечего передъ нимъ возноситься, нѣтъ резона смотрѣть на него свысока. Будемъ учить народъ тому, что ему нужно. Но не забудемъ въ то же время, что мы, учителя, многому и научились, и учимся у него же. „Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ еще не могли измѣрить; что этотъ простой народъ

создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ; что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу и сдѣлали ее достойной этого имени".

Много обѣщалъ сказать и еше о народной школѣ и ея задачахъ Ушинскій своимъ читателямъ. Онъ только что началъ слѣдить за симпатичною для него дѣятельностью зарождавшагося тогда на Руси земства, горячо привѣтствовалъ успѣхи Александровскаго уѣзда и его красу и гордость, барона Н. А. Корфа, на пути дѣятельности по народному образованію. Со свѣтлою надеждой смотрѣлъ онъ на наше предстоящее будущее, и вдругъ, внезапно, смолкли его благородныя уста, смолкли въ тотъ самый моментъ, когда потребность въ живой, правдивой рѣчи такъ глубоко ощущалась всѣмъ русскимъ обществомъ.

Какъ много могъ бы онъ сдѣлать для народнаго образованія, онъ, сумѣвшій первый написать такую книгу, которая въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій читалась и перечитывалась милліонами народа, во всѣхъ городахъ, селахъ и деревняхъ безконечной Россіи! И до сихъ поръ многіе и многіе люди брались писать, многіе и многіе опытные знатоки народной школы принимались составлять для нея книгу за книгой, но всѣмъ этимъ книгамъ было до „Родного слова", какъ до звѣзды небесной, далеко.

Будемъ же почаще обращаться къ его свѣтлымъ мыслямъ, будемъ учиться у него и у того учителя, который вдохновлялъ, восхищалъ и поучалъ его самого. Этотъ общій учитель— нашъ русскій народъ!

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

Алексѣевъ, В.
Земскіе соборы и народное представительство. Ц. 7 к.

Вѣтринскій, Ч.
Гуманистъ сороковыхъ годовъ – (Т. Н. Грановскій). Ц. 15 к.

Гольцева, Н. А.
Женское движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Ц. 7 к.

Георгъ Еллинекъ.
Право меньшинства. Ц. 15 к.

Его же.
Множественное (плюральное) **избирательное право.** Ц. 15 к.

Деловскій, Ю.
Поэзія и проза французской политической жизни. Ц. 10 к.

Дживелеговъ, А. К.
Ростъ представительныхъ учрежденій на Западѣ. Ц. 10 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В.
Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II. Ц. 15 к.

Его же.
Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ. Ц. 10 к.

Его же.
Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго. Ц. 20 к.

Его же.
Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв. Ц. 20 к.

Его же.
Зарожденіе министерствъ въ Россіи. Ц. 25 к.

Ермиловъ, В.
Идеалы воспитанія. К. Д. Ушинскій. Ц. 7 к.

Его же.
Реформаторы воспитанія. Амосъ Коменскій. Великая книга Локка. Ц. 10 к.

Его же.
Поборники свободы въ воспитаніи Бецкій и Новиковъ. Изданіе второе. Ц. 12 к.

Кедровъ, П.
Рабочіе союзы въ Англіи, Германіи, Франціи, Америкѣ, Бельгіи, Австріи, Швейцаріи. Ц. 5 к.

Лунцъ, М.
Фабрикантъ и рабочій. Двѣ жизни. Ц. 10 к.

Милль, Д. С.
Избирательныя права женщинъ. Переводъ Н. Мировичъ. Ц. 10 к.

Мировичъ, Н.
Очерки изъ истор. велик. франц. революц.
Камиллъ Дэмуленъ. Ц. 15 к.
Шарлотта Кордэ. Ц. 10 к.
Сенъ-Жюстъ. Ц. 10 к.

Новикъ, И. Д.
Московскіе земскіе соборы. Ц. 15 к.

Ржевскій, В. А.
Крестьянскій вопросъ и аграрная реформа. Ц. 15 к.

Толстой, Л.
Великій грѣхъ. Ц. 10 к.
Освободитель Швейцаріи Вильгельмъ Телль. (По Шиллеру.) Ц. 10 к.

„Народное Дѣло".

Избирательное право.

Общедоступный очеркъ

проф. Моск. универс. *В. М. Хвостова.* Ц. 8 к.

Книжные магазины **Т-ва И. Д. Сытина:**

въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Екатеринбургѣ, Воронежѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Иркутскѣ и на Нижегородской ярмаркѣ.

2007097328